

A. A. Хусамутдинов

A. A. Khisamutdinov

*Харбин: «Перелетные птицы»
(1-я половина XX века)*

*Harbin: «Migratory birds»
(the 1st half of the 20th century)*

УДК 908/929
ББК 87.3
Х51

Хисамутдинов. А. А.

X51 Харбин: "Перелетные птицы" (1-я половина XX века)
[Электронный ресурс] = Harbin: "Migratory birds"
(the 1st half of the 20th) / А. Хисамутдинов. Владивосток: Издательство
Дальневосточного университета, 2017. 60 стр. илл. Режим доступа: [https://
evols.library.manoa.hawaii.edu/](https://evols.library.manoa.hawaii.edu/)
ISBN

Харбин: Перелетные птицы

В названии книги использована идея харбинской писательницы Е.Н. Рачинской, сравнивавшей русских эмигрантов с перелетными птицами. В настоящем издании рассказывается о литераторе Н.А. Байкове, бывшем генерал-губернаторе Н.Л. Гондатти, натуралисте И.А. Дзюле, профессоре Г.К. Гинсе, этнографе И.А. Лопатине, педагоге Т.П. Гордееве, музееведе В.Н. Жернакове и журналистке М.Л. Шапиро. Сообщаются о деятельности журнала «Рубеж» и объединении «Чураевка».

Ключевые слова: Русские в Китае, русский Харбин, культурная жизнь Харбина, интеллигенция Харбина.

Migratory birds of Harbin

The Harbin writer E.N. Rachinskaya took the idea for the title of this book comparing Russian emigrants to migratory birds. In this publication are descriptions of works by N. A. Baikov, former Governor-General N. L. Gondatti, naturalist I. A. Dziul', professor G. K. Gins, ethnographer I. A. Lopatin, teacher t. P. Gordeev, museum curator V. N. Zhernakov, and journalist M. L. Shapiro. There is also reports on the activities of the journal Rubezh and Churaevka group.

Key words: Russians in China, Russian Harbin, Cultural life of Harbin, Harbin Intelligentsia.

Фотографии для иллюстраций взяты из личной коллекции автора.
Дизайн обложки А. Ряднова

ISBN

УДК 908/929
ББК 87.3
Х51

© Хисамутдинов А.А., 2017
© Ряднова А.С., редактирование, обложка,
и художественное оформление, 2017.
©Издательство Дальневосточного
университета, 2017.

А.А Хисамутдинов

Харбин "Перелетные птицы" (1-я половина XX века)

A. A. Khisamutdinov

Harbin: «Migratory birds» (the 1st half of the 20th century)

Издательство Дальневосточного университета
Владивосток
2017

Содержание:

6	Елизавета Рачинская
10	Николай Байков
20	Георгий Гинс
26	Николай Гондатти
32	Тарас Гордеев
38	Иосиф Дзюль
42	Владимир Жернаков
46	Иван Лопатин
50	Мария Шапиро
54	Журнал Рубеж
60	"Чураевцы"

Елизавета Николаевна Рачинская

(8 июля 1904 – 23 января 1993)

«...Харбин говорил по-русски; говорила линия КВЖД; в школах, в гимназиях, в университетах — преподавание шло на русском языке. Газеты, журналы, книги издавались по-русски. Русскими были названия улиц; над магазинами красовались русские вывески. Даже китайцы, с которыми нам приходилось иметь дело, заговорили по-русски, избавив нас от необходимости учить китайский язык. Вот почему "маньчжуры" так выгодно отличаются от эмигрантов, попавших в другие страны, дети и внуки которых большей частью по-русски уже не говорят, не понимая, что, не сумев сохранить своего языка, они навсегда потеряли тот золотой ключ, который помог бы им отомкнуть драгоценный ларец русской культуры.

Вместе с языком мы принесли в Маньчжурию все особенности своих традиций, своего привычного, еще не обезличенного, повседневного быта. Назовем его "мещанским", если хотите, но не будем бояться слов. Разве с детства любимые нами обычаи и формы не скрашивают однообразного чередования ничем не отмеченных будней, разве они не помогают нам поддерживать живую связь с нашим "русским" прошлым, о котором многие из нас не могут забыть, даже прожив долгие годы вдали от родины?»

Это отрывок из знаменитой на западе книги "Перелетные птицы", принадлежащий перу писательницы-харбинки Елизаветы Рачинской, которая поведала о жизни русских в Харбине, позволяя читателям краем глаза увидеть то далёкое время.

Елизавета Николаевна Рачинская родилась 8 июля 1904 года в Гельсингфорсе. В 1914-1917 годах училась в Московском Екатерининском институте. В 1918 году переехала с родителями в Харбин и продолжила обучение в Харбинском железнодорожном училище. Через два года она закончила гимназию Оксаковской и продолжила получать образование на Юридическом факультете.

"Первые мои стихи печатались в харбинском "Русском Слове", — вспоминала Рачинская, — позднее — в "Рубеже". На прозу перешла сравнительно недавно. Печаталась в журналах: "Рубеж" (Харбин), "Студенческие Годы" (Прага), "Иллюстрированная Россия" (Париж). Об обязанности женщины в отношении Родины, семьи, общества говорить не буду, все это давно стало общим местом и вряд ли можно здесь сказать что-либо новое. Упомяну лишь, что за всем этим современная женщина не должна забывать об обязанностях в отношении самой себя: о раскрытии своей индивидуальности, духовном росте, наиболее полном развитии своих творческих сил и возможностей."

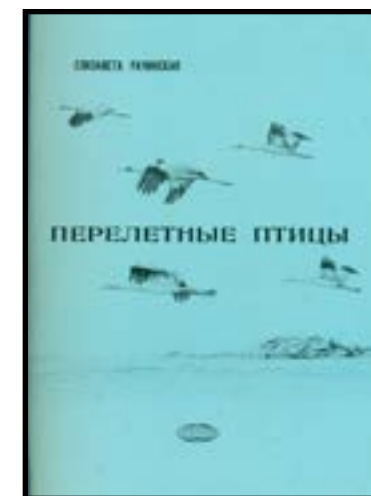
Коммерческое училище в Харбине,
старая открытка

Имперское Русское Генеральное Консульствов Харбине,
старая открытка

Слева: Титул произведения
"Кому в Харбине жить хорошо"

Справа: Обложка произведения
"Перелетные птицы"

В 1937 году писательница опубликовала в Харбине сборник рассказов "Джебел-Кебир". Лучший из них — "Исповедь матери" — был премирован на литературном конкурсе в Праге.

"Эстетизм доминирует в произведениях Е. Рачинской, — писал критик в журнале "Рубеж". — У нее стиль нарядный. Она любит пышные слова, изысканные сравнения. Италия, Лазурный берег моря, Африка с ее живописными закатами и восходами — любимая рама для разрабатываемых писательницей сюжетов. Невольно автора привлекают красивые женщины, сильные страсти, патетические моменты".

С 1932 г. писательница работала в конторе Бринера. После Второй мировой войны Елизавета Николаевна эмигрировала в Австралию. Всю оставшуюся жизнь она описывала воспоминания о жизни русских в Харбине. О глубине ностальгии, которая слышится в этих произведениях, судить читателю.

Николай Аполлонович Байков

(29 ноября 1872 — 6 марта 1958 гг)

Николай Байков имел много общего с Владимиром Арсеньевым и являлся его своеобразным «литературным двойником». Судьбы двух дальневосточников оказались удивительно схожими: оба родились в один год — 1872, увлекались природой, охотой, путешествиями, писали о тайге и ее обитателях, только один творил во Владивостоке, а другой — в Харбине.

Н. А. Байков родился 29 ноября 1872 года в Киеве. В нем текла кровь Шамиля, племянницей которого была его бабушка со стороны отца. Первым, кто заразил Николая Байкова жадной странствий, был Николай Пржевальский, сказавший однажды еще кадету Байкову: "Ты интересуешься, убивал ли я тигров. К сожалению, нет. Много всякого зверя я стрелял, но тигров не удалось взять ни одного. Это ты сделаешь за меня, когда будешь путешествовать по тайге Маньчжурии или Уссурийского края». Впервые Николай Аполлонович встретился с известным путешественником еще летом 1887 года в доме своего отца, который дружил с Пржевальским. Рядом с человеком, который был знаменит на весь мир, юный Байков чувствовал себя как на иголках, но путешественник держал себя очень просто, подбадривал мальчика, предлагал не стесняться и видеть в госте своего старшего товарища. Он долго беседовал с кадетом о корпусе и о учебе, а узнав, что Коля увлекается природой, охотой и путешествиями, вспомнил свою юность, когда он сам испытывал подобное.

Байков часто вспоминал о той встрече, которая определила всю его жизнь: "Если ты так любишь природу и охоту, — говорил Пржевальский, — советую тебе после учебы отправиться на Дальний Восток. Дивный край! Прекрасная охота! Тайга — что твои сельвасы Бразилии! Степи — пампасы Аргентины! Такой природы нет даже у нас на Кавказе и в Туркестане! Жаль, что мне не удалось побывать там вторично!"

Чтобы мальчик смог получить наглядное представление о природе Дальнего Востока, Пржевальский подарил ему свою книгу "Путешествие в Южно-Уссурийский край", на которой сделал памятную надпись: "Моему юному другу Николаю Байкову от старого лесного бродяги". Передавая ему книгу, путешественник сказал: "Возьми эту книгу и постарайся ее

дополнить. Она будет тебе полезна в будущем. А судьба твоя меня интересует куда больше, чем ты думаешь".

Окончив гимназию в Киеве в 1889 г., Н. Байков прослушал один курс медицинского факультета Киевского университета, затем поступил на естественно-исторический факультет Петербургского университета. Но в это время умер его отец, генерал-лейтенант и член Главного военного суда в Петербурге, и молодой Байков бросил учебу и поступил в Тифлисское военное училище, которое окончил по 1-му разряду в 1896 году. Свою службу Байков начал подпоручиком в 16-м Гренадерском Мингрельском Великого князя Дмитрия Константиновича полку. На Кавказе офицер познакомился с известным натуралистом Г.И. Радде, ставшем его первым учителем. Поощряя интересы подпоручика, командир полка Великий князь Николай Михайлович разрешил Байкову использовать служебное время для работы в местном музее. Байков сполна отплатил начальству и смонтировал в 1897 году энтомологическую коллекцию Великого князя, а также офицер собрал коллекции для музеев в Боржоме и Академии наук в Санкт-Петербурге.

Желание посетить Дальний Восток Николаю Байкову внушил также академик Д. И. Менделеев, рассказавший ему о строительстве Китайско-Восточной железной дороги. 8 декабря 1901 года командиру 108-го пехотного Саратовского полка был отправлен приказ: "[...] поручик Байков переводится Высочайшим приказом от 26 ноября с.г. в Отдельный корпус пограничной стражи в Заамурский округ сего корпуса. Вследствие чего штаб корпуса по приказанию командира корпуса просит Ваше Высочайшее Предложение предложить упомянутому офицеру отправиться по месту его назначения [...]". В Харбине офицеру предложили хорошую должность в штабе округа. В те времена пограничные войска не пользовались популярностью, их презрительно называли "таможенной стражей" или "Гвардией Матильды" по имени супруги графа С.В. Витте, который был шефом корпуса пограничной стражи. Но Николай Аполлонович настоял на своем желании служить на охране восточной линии КВЖД.

"В 8 часов утра выехали мы, наконец, — вспоминал Байков позднее, — из Харбина на восток. Мечты мои осуществились: я

попал в ту таинственную страну, носившую название "Маньчжурия", о которой в наших популярных географиях было сказано несколько слов: "Маньчжурия — дикая страна, покрытая дремучими лесами. Здесь растет знаменитый женьшень, водятся тигры и добывается трава для обуви — ула".

14 лет провел Н. А. Байков в Маньчжурии: неоднократно рисковал жизнью в схватках с хунхузами, занимаясь ликвидацией их банд, участвовал в русско-японской войне, собирал научные коллекции, охотился на тигров, писал рассказы и научные работы. У себя дома Н.А. Байков собрал целый зоопарк для наблюдений за жизнью диких животных: от медведей и волков до щитомордника. Не было только тигра — его было накладно содержать на офицерскую зарплату, но среди охотничьих трофеев Байкова он встречался и не раз. "Находясь на службе, — писал Николай Аполлонович в автобиографии, — занимался исследовательской и литературной деятельностью, выполняя задания Императорской академии наук по сбору зоологических и ботанических экспонатов; по указаниям директора Зоологического института профессора Насонова и ученого ботаника Д.И. Литвинова, произведя исследование края, исходил пешком и верхом всю Гириинскую провинцию от р. Сунгари до границ Кореи, вдоль и поперек". В 1906 году он работал в топографическом отряде Генерального штаба по съемке и составлению двухверстовой карты Северной Маньчжурии. На следующий год Академия наук присвоило офицеру почетное звание "Сотрудник-корреспондент". За научную деятельность Министерство государственных имуществ наградило Байкова земельным участком в 100 десятин в Южно-Уссурийском крае. Служба не давала полной свободы для изучения природы и путешествий, и в 1914 году ротмистр Н.А. Байков вышел в отставку, "предполагая, — как он писал, — поселиться на участке в Южно-Уссурийском крае, отведенном мне распоряжением Министерства государственных имуществ в 1908 году, на основании ходатайства Академии наук, в воздание моих заслуг по изучению природы Маньчжурии". Но мечте не суждено было сбыться, и вместо желанной тайги Байков попал на фронт Первой мировой войны.

Четыре года провел Байков в действующей армии: стал полковником, командиром полка, кавалером ордена Св. Владимира 3 степени с мечами и бантом. Неоднократно был ранен и контужен. Советскую

власть Николай Байков не принял. Изменив внешность и отпустив бороду, он бежал на юг. Полковник Байков командовал Полтавской дружиной (1918), воевал против красных в Добровольческой армии в офицерском батальоне генерала Гуттенберга (1919). Перерыв в кровавой боине он сделал в Николаевске, когда тяжело заболел тифом. Почти два года Байков с семьей кочевал по загранице, был в Индии (1919), в Египте (1920), пока не вернулся в Харбин.

В августе 1925 году Владимиру Арсеньеву принесли письмо от Николая Байкова. "Сегодня получил от Вас три книжки Ваших трудов, за что приношу глубокую благодарность и признательность, — писал Байков из Харбина. — Я их еще не читал, но, судя по беглому взгляду, они так же интересны и живо написаны, как и все ваши труды по описанию природы и быта обитателей нашего Дальнего Востока [...] До поступления на концессию Ковальского я зарабатывал на хлеб и кормил семью чертежными работами в частных фирмах Харбина и продажей чучел птиц. На концессии я прослужил в качестве десятника три года, получая по 40 зол. руб. в месяц. Теперь остался с семьей на улице, без средств и без куска хлеба. Советского паспорта не взял до сих пор по той причине, что не имел возможности это сделать, за неимением средств, т. к. мне едва хватило заработка, а затем жалованья на пропитание. Первый год службы у Ковальского я был сторожем и получал 25 иен, т. е. 15 зол. руб. в месяц. Кроме того, приходилось выплачивать долги, которые я сделал за первое время безработицы. Таким образом, я никак не мог уделить ту сумму, которая необходима для уплаты за регистрацию и паспорт СССР. Помимо того, я жил все время на линии, вдали от Харбина, и поездка в Харбин для выбора паспорта, была для меня совершенно непосильна. В настоящее время, лишившись места, я не имею и тех грошей, которые зарабатывал для семьи тяжелым трудом. В профсоюз меня не принимают, т.к. я не пролетарского происхождения, надо сперва зарегистрироваться и принять подданство СССР, что стоит значительных денег, которых у меня, к сожалению, нет. Словом, по видимому я попал в заколдованный круг, выйти из которого трудно. Вы, как бывший офицер, состоявший почти в таком же положении, как я, понимаете меня лучше другого и что предпринять, чтобы

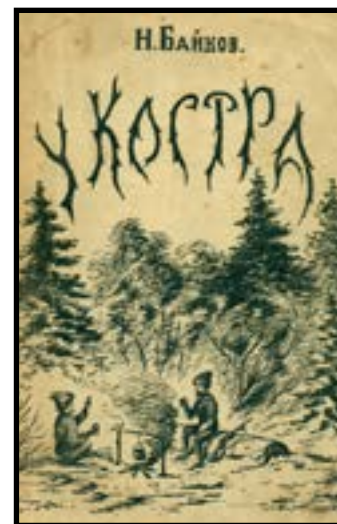
опять явилась возможность существовать и содержать семью из жены и малолетней дочери".

По вполне понятным причинам Байков не написал всю правду. Конечно, Владимир Клавдиевич не мог ничего посоветовать другу. Времена в России наступили иные. Действительно, Байкову очень трудно жилось в эмиграции. Нищенская зарплата лесного смотрителя едва позволяла сводить концы с концами. В последнем из сохранившихся писем к Арсеньеву он писал: "На лето предполагаю поехать куда-нибудь на линию, поближе к родной тайге, воздух которой должен окончательно излечить мое больное сердце. Лета мои (55) еще не так велики, и я еще не думаю сдаваться на капитуляцию; кроме того, мне необходимо прожить еще лет 10, чтобы поставить на ноги девятилетнюю дочь. Через 10 лет я могу умереть спокойно, выполнив, по мере сил и возможности, свой долг перед родиной, оставив некоторый след в краеведческой литературе Дальнего Востока по изучению его животного мира". На календаре был июнь 1928 года, и после этого переписка заглохла. Судьбе было угодно, чтобы Арсеньев так и не встретился с Байковым. Кстати, их единственный дочери носили одно и тоже имя — Наташа.

Николай Апполонович был одним из инициаторов создания в Харбине музея, Общества русских ориенталистов и Общества изучения Маньчжурского края. В 1923 году Байкова избрали Пожизненным Почетным членом ОИМК. В 1930 году Байков стал штатным преподавателем естествознания в 4-м отделе Департамента народного просвещения в Маньчжурии, но 1 сентября 1934 года его уволили "за антикоммунистическую работу в школах и за отказ в пролонгации советского паспорта, просроченного с 1932 года.". "До 1934 года, — отмечала газета "Русская Жизнь", Н.А. поместил в "Вестнике Маньчжурии" более 12 научно-популярных очерков, некоторые с обильным иллюстрационным материалом, на различные темы от "Охотничьих племен Северной Маньчжурии" и "Зверового промысла и пушной торговли Маньчжурии" и отчетов об экспедициях, также и кратких монографических описаний биологии редких или типичных представителей маньчжурской фауны, как, например, соболя, кабарги, фазана и т.п. В дело популяризации охраны природы, правильной охоты и промысла, изучения животного мира Н.А.

также вложил немало труда и энергии, читая лекции в ОИМК, в русском Обществе правильной охоты и рыболовства, в школьных кружках, литературных кружках, у скаутов—пржевальцев и в Клубе юных натуралистов, и печатая свои статьи в местных охотничьих журналах, газетах и изданиях различных обществ и кружков. Он часто подписывал свои статьи псевдонимами, как, например, Пенснэ, Заамурец, Следопыт, Зверобой, Натуралист-Охотник, Промысловик, Скиталец". Ручеек признания хоть и медленно, но все же пробивал себе дорогу. В том же 1934 году Николай Аполлонович решил бросить работу и заняться только литературным трудом. Писал и издавал он очень много. Самые известные его произведения — "В делях Уссурийского края" и "Великий Ван", который принес автору мировую славу. Книги Байкова помимо Китая издавались в Лондоне, Париже и Токио. По популярности за границей он сравнивался с Арсеньевым.

До самой старости Байков не забросил своего увлечения — охоты, впечатления от которой питали все его произведения. Его работами заинтересовался известный эмигрант, бывший министр колчаковского правительства И.И. Серебренников. Он решил написать первую биографию Байкова, попросив того рассказать о себе. "Как охотник-натуралист, — ответил на это предложение Н.А. Байков в своем письме в 1937 года, — я вел всегда точный учет своих трофеев и количество добытых зверей и птиц. Охотился я во многих странах старого света, и как—то: Россия, Африка, Азия и Малайские острова. В России охотился в Польше, Литве, Малороссии, Полесье, на Кавказе, в Архангельской губернии. В Европе только в Галиции и в Карпатах. В Африке — в Египте, Судане, Абиссинии, Восточной Африке (Танганьика). В Азии: в Индокитае, на Яве, Цейлоне, в Индии, в Гималаях и в Маньчжурии. Всего убито мною крупных зверей до 200, средних до 400 и мелких до 800. Птиц не менее 10000. Но я никогда не был промышленником в полном смысле слова и работал не только для себя, но и для Императорского Музея академии наук. Мои трофеи и сборы имеются в музеях Санкт-Петербурга, Тифлиса и немного в Харбине.

Обложки произведений Н. А. Байкова

Титулы произведений Н. А. Байкова

Иллюстрация к произведению "Таежная драма"

Если описать все мои путешествия, охоты и приключения, то получится объемистый том, а то и два тома. Но я не пишу своих воспоминаний, а только состряпал около 60 очерков и рассказов, где даю интересные, захватывающие сюжеты из войны, революции и скитаний по белу свету". О своих политических взглядах Байков писал И.И. Серебренникову в марте 1941 года: "Рассвет уже близок! Тьма рассеивается! Вся русская эмиграция ждет с нетерпением окончания войны, когда Германия, разгромив Англию, приступит к ликвидации Коммунизма и восстановлению национальной России. В этом теперь никто уже не сомневается, вопрос только во времени. Мы ждали двадцать три года — подождем еще немного"

9 мая 1942 года Н. А. Байков торжественно отметил 40-летие литературной деятельности, а затем отправился в Японию. Это было одно из последних свидетельств его успеха в Маньчжурии. 1945 год принес Байкову и его семье большие беды. Несмотря на широкую известность, его едва не уpekли в застенки "СМЕРШа". Накануне прихода советской армии в Харбин он успел уничтожить свой архив. Книги писателя были изъяты из библиотек и тоже уничтожены. С большим трудом в марте 1956 года Байковым удалось выбраться в Австралию.

Николай Аполлонович Байков скончался в 10 часов вечера 6 марта 1958 года в Брисбене. "Особенности творчества Н.А. Байкова, — писала 16 июля того же года газета "Русская мысль", — возвышают его над всеми теми писателями, которые умышленно выискивали и подмечали только худшее в русской жизни и вселяли в неискующие души дух отрицания и неверия и злобу к порядку. [...] особенно беззаветная любовь писателя к России и русскому народу вызывает восторг и сознание: Боже, как хороша была Россия и какие прекрасные люди жили на ее просторах".

После смерти писателя-натуралиста куратор музея Русской культуры в Сан-Франциско А.С. Лукашкин создал отдел памяти писателя и исследователя Маньчжурии Н.А. Байкова. Буквально по крохам он собрал свидетельства творчества известного эмигранта. "Из сохранившегося материала, — отмечал он, — в Музей будут переданы альбом с вырезками из газет, отзывов и рецензий о произведениях писателя, много фотографий, рисунки пером и акварелью, пенснэ писателя, давшее ему второе имя — фамилию Пенснэ и укрепившееся среди его друзей - охотников (иногда Н.А. пользовался им как псевдонимом под своими статьями), ручку, которой были написаны все его литературные произведения в период 1930 - 1941 года, и некоторые другие вещи".

Георгий Константинович Гинс

(15 апреля 1887— 24 сентября 1971 гг)

Сегодня можно прочесть немало публикаций о ученых и литераторах, которые покинули Россию и добились успеха за рубежом. Среди них были и выходцы с Дальнего Востока, в их числе Георгий Константинович Гинс.

Все, кто интересуется периодом гражданской войны в Сибири, знают его, как известного деятеля в правительстве адмирала Колчака, и автора, написавшего солидный том воспоминаний о том времени.

Георгий Гинс родился 15 (28) апреля 1887 году в Молдавии. Окончив с золотой медалью Вторую Кишиневскую гимназию, он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С самого начала студенческой жизни юноша заинтересовался журналистикой и в 1905 году опубликовал в "Бессарабском листке" свою первую статью. Далее его работы стали появляться в "Одесском листке" и других газетах. Во время учебы Георгий Гинс был удостоен серебряной медалью за сочинение "О сущности юридических лиц".

В 1909 году Георгий Константинович окончил университет и был командирован Переселенческим управлением в Туркестан для обследования порядка водопользования. Результатом этой поездки стала его работа "Действующее водное право Туркестана" (СПб. 1910). Вскоре появились и другие труды молодого ученого в научных и исторических журналах. Более десяти статей Гинса на юридические темы были опубликованы в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Осенью 1910 года Гинс получил стипендию для подготовки к защите профессорского звания по кафедре гражданского права в Санкт-Петербургском университете, одновременно он работал в главном управлении землеустройства и земледелия. Весной 1916 года ученый сдал магистерские экзамены и стал приват-доцентом университета. "Несмотря на мои успехи на служебном поприще и академическую карьеру, — вспоминал позднее Гинс, — я чувствовал всегда влечение к газетной и литературной работе. Как-то писатель Чириков рассказывал у наших общих знакомых, где мы встречались, что для некоторых своих романов он совершал специальные поездки в те местности, быт и людей которых

он описывал. И это казалось очень заманчивым. Я вспоминал свое путешествие в Туркестан и стал подумывать о занятии кафедры в провинциальном университете для обновления впечатлений".

Революция способствовала исполнению желаний честолюбивого ученого. В 1917 года он был назначен старшим юрист-консультантом Министерства продовольствия. Весной 1918 года Георгий Гинс был избран и.д. экстраординарного профессора по кафедре гражданского права Омского политехнического института. После образования Сибирского правительства он стал работать в нем. В январе 1920 года Гинс появился в Харбине. Он читал лекции на Юридическом факультете и готовил по горячим следам недавних событий свою знаменитую книгу "Сибирь, союзники и Колчак", публикуя отрывки из нее в "Вестнике Маньчжурии" и других газетах. Имя Гинса становилось все более известным среди русского зарубежья. Газеты "Русское Слово" и "Новости Жизни" открыли полемику между Гинсом и Устряловым, идейным поборником "возвращения". Гинс с В. М. Посохиним основал магазин "Русско-Маньчжурская книготорговля" и занялся продажей эмигрантской литературы. С декабря 1920 года по октябрь 1927 года он стал выпускать в Пекине под своей редакцией журнал "Русское обозрение", который по его мысли должен был стать подобием парижских «Современных записок». Но напряженная работа со студентами и выпуск двенадцати томов "Известий Юридического факультета" отвлекли его на время от журналистской деятельности.

С 1921 по 1926 годам Гинс служил на КВЖД в должностях начальника канцелярии Правления дороги, главного контролера и одновременно являлся председателем Комитета образовательных учреждений железной дороги. С 1923 года и вплоть до преобразования Харбинского муниципалитета он был уполномоченным Харбинского общественного управления, председателем собрания уполномоченных и председателем комиссии по составлению положений и наказов. 23 апреля 1929 года Георгий Константинович защитил в Париже перед Академической группой свою магистерскую диссертацию "Водное право". "Г. К. Гинс, — вспоминала его студентка Е. Рачинская, — во время лекций держался очень просто, иногда присаживаясь на парту

Обложки произведений Г. К. Гинса

слушателей, импонировал своей бесспорной эрудицией и знанием предмета. Наружность у него была привлекательная, манера держаться — сдержанная, но приветливая".

После закрытия в 1937 года Юридического факультета Г.К.Гинс стал преподавателем Харбинского коммерческого института, не прекращая сотрудничества с газетами. В ознаменовании 35-летней журналистской деятельности Гинса издательство "Заря" выпустило сборник его газетной публицистики "Quo vadis Europa? (Куда идешь, Европа?)". Хотя книга была написана сухим академическим языком, она читалась легко. Сборник получил благоприятную рецензию: "Каков же будет этот новый мир, нарождающийся ныне в потоках крови, под гром пушек? Автор считает, что он будет ни национал-социалистическим, ни фашистским, ни коммунистическим, ни демократическим. По его мнению, все эти системы неизбежно перегорят в пожаре войны, и человечество выйдет из страшного испытания, выпавшего на его долю, обновленным не только политически, но и морально".

Обложки работ Г. К. Гинса

Эта книга была прощальным приветом знаменитого профессора всем русским людям, осевшим в Маньчжурии. 30 июня 1941 года Гинс уехал к сыновьям в Сан-Франциско. Перед своим отъездом Георгий Константинович дал интервью местной газете: "Уезжать из города, в котором прожито больше 20 лет, в котором так хорошо жилось, с которым связано так много воспоминаний и в котором остается так много сердечных друзей, не легко. Уезжать в страну, где совсем другой быт, где нет перспектив работать, пользуясь русским языком и для русского населения — страшно. В моем возрасте нелегко начинать жить сначала". Покидая Харбин и прощаясь с друзьями, Гинс думал о возвращении в этот город через какой-то срок, но не для того, чтобы остаться в нем, а для того, чтобы через Харбин вернуться в Россию. В том же последнем интервью Гинс сказал: "Я думаю, что преподавание в высшем учебном заведении и научная работа составляют мое настоящее призвание, и я конечно, мечтаю больше всего о том, чтобы путь в Россию, если он для нас, эмигрантов, откроется, привел меня в какой-либо отечественный университет. У меня возникает теперь вера в эту возможность. В минуты чрезвычайной опасности здравый рассудок русского народа и его национальное самосознание не раз отрезвляли народ и способствовали восстановлению нормального порядка, и теперь лозунг "все против коммунизма - ничего против России", которым заканчивается один из моих очерков..., может объединить всех русских людей и создать ту обстановку, при которой можно будет возвратиться на родину".

В Соединенных Штатах Гинс продолжил свою преподавательскую и публицистическую деятельность. С ноября 1945 года по 1954 год он был профессором Калифорнийского университета в Беркли, преподавал в Вермонт-колледже, а затем работал в институте иностранных языков в Монтерее, где он читал курс "История русской мысли". В это время его статьи печатались во многих журналах и газетах. Георгий Константинович Гинс скончался 25 сентября 1971 года.

Титулы работ Г. К. Гинса

Николай Львович Гондатти

(3 декабря 1860— 24 сентября 1971 гг)

Одним из выдающихся генерал-губернаторов России был последний Приамурский генерал-губернатор Николай Львович Гондатти. Время от времени в печати появляются статьи о последнем Приамурском генерал-губернаторе, но они в основном касаются его дореволюционной деятельности. Нас же больше интересуют факты о его жизни в изгнании в Маньчжурии.

В этом поиске нам очень помогла и уроженка Харбина профессор из Торонто Ольга Михайловна Бакич, дополнившая имеющиеся факты. До сих пор во всех публикациях, например, приводилась неверная дата смерти Н.Л. Гондатти. Некролог же из харбинского журнала "Хлеб Небесный", хранящийся в личном архиве О.М. Бакич, позволяет исправить ошибку.

Николай Гондатти родился в простой московской семье 8 ноября 1860 г. Необычная фамилия досталась ему от предка-итальянца, оставшегося навсегда в России. Закончив с отличием юридический и физико-математический факультеты Московского университета, 27-летний Гондатти стал учителем гимназии. После занятий с учениками Николай Львович спешил к академику Д.Н. Анучину, под руководством которого занимался антропологией. Уже в то время молодой ученый опубликовал несколько работ. Энергичный Гондатти проводил и полевые исследования, совершая многочисленные командировки по Уралу и Сибири. Участвовал он и во Всемирной выставке в Париже, выступил с блестящим докладом на Международном Конгрессе доисторической археологии и антропологии. Послужной список ученого дополняет кругосветное путешествие в Соединенные Штаты, в ходе которого он посетил Индию, Китай, Гавайи и Японию.

Вернувшись в 1891 году в Россию, Н. Л. Гондатти опубликовал несколько научных работ по результатам своей командировки, получив за них золотые медали Императорского Русского географического общества и Императорской Академии наук. В 1893 г. карьера ученого сделала неожиданный виток: Гондатти назначили чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе. Он сразу же отправился на Чукотку изучать быт местных жителей. Вернувшись в Хабаровск, не лишенный честолюбия Николай Львович занял

важную должность начальника Переселенческого управления. Он продолжил традиции первого председателя управления Ф.Ф. Буссе, стремясь вести дело так, чтобы преумножить богатства края. Во Владивостоке Н.Л. Гондатти был частым посетителем Общества изучения Амурского края, куда вступил еще до поездки на Камчатку, 18 декабря 1893 г. Через несколько лет, 15 октября 1897 года, в стенах Общества он с блеском прочитал доклад "Об Анадырском крае".

Административная работа захватила Гондатти, и он согласился стать управляющим канцелярии Иркутского губернатора (1905), а через некоторое время был утвержден губернатором Томской (1906) и Тобольской (1908) губерний. Гондатти считался признанным знатоком Сибири и Дальнего Востока. Он принимал активное участие в заседаниях различных ведомственных комиссий в Петербурге, был любимцем всеильного Столыпина. Вскоре Николая Львовича назначили руководителем крупнейшей за всю историю географических исследований экспедиции по обследованию Сибири и Дальнего Востока. Результаты этой работы позднее легли в основу проекта строительства БАМа.

Когда русское правительство предприняло попытку экономического обновления и демилитаризации всей Далекой окраины империи, 40-летний шталмейстер двора Его величества Н.Л. Гондатти стал первым Приамурским генерал-губернатором, не имевшим военного чина (с 1911). Спектр действий нового Главного начальника края, так иногда называли эту должность, был широким: активная переселенческая политика с ограниченным привлечением иностранного труда; развитие инфраструктуры, единой со странами тихоокеанского бассейна. В поле зрения энергичного администратора находились агрономия и животноводство, развитие кустарной промышленности и основание кредитных товариществ. Он старался не забыть ни единой мелочи, без которой невозможно интенсивное развитие далекого края. Была еще одна отличительная черта политики Гондатти: он отрицательно относился к влиянию Китая, Кореи и Японии на русском Дальнем Востоке. Генерал-губернатор решил опираться только на собственные силы дальневосточников.

— Хватит думать о войне, — призывал Гондатти, — пора задуматься о мире!

Бывая во Владивостоке, Николай Львович непременно заходил в Общество изучения Амурского края, помогая где деньгами, а где советом. В 1910 году он был избран почетным членом Общества. В 1915 году Приамурский генерал-губернатор подарил библиотеке коллекцию редких книг и пожертвовал Обществу в память 25-летия существования музея 500 рублей для выдачи премии его имени за лучший еще не изданный труд по истории Приамурского края. К сожалению, в связи с известными событиями 1917 года эта премия так и не была присуждена.

1917-й год изменил жизнь Н.Л. Гондатти. Один из его ближайших помощников Ф.Ф. Даниленко вспоминал в своей книге "Приамурский край", изданной в Харбине в 1935 г.: "Иностранные консулы, зная, что в России уже начались аресты и самосуды над высшими должностными лицами, предложили ему убежище в консульствах или на своих пароходах. Однако Н. Л. от указанных предложений отказался и немедленно отправился в Хабаровск — место своей резиденции. В то же время в Хабаровске уже образовался краевой комитет, который, зная какой огромной популярностью пользуется Н.Л. Гондатти среди крестьянского населения, решил арестовать его в пути тайным образом. Так было и сделано. Н. Л. был арестован и помещен в Хабаровске на военную гауптвахту. Когда же об этом стало известно местному населению, то оно потребовало его освобождения. Тогда новая власть, боясь, как бы население не освободило его силою, перевела его в Петроград, объясняя населению свой поступок тем, что его, как высокого сановника, нельзя судить в Хабаровске и что в Петрограде для таких лиц уже учреждена Особая Верховная комиссия. По прибытии в Петроград Н.Л. Гондатти был вскоре освобожден, так как в деятельности Главного начальника края ничего не было найдено незаконного".

В России Николай Львович не задержался и тут же уехал в Харбин. В этом "русском" городе на чужбине он и провел остаток своих лет. Не оставив научных занятий, он был председателем Общества русских ориенталистов. Возглавляя Общество домохозяев, Гондатти держался в стороне от бурной политической жизни того времени. Он отклонял самые лестные предложения, которые поступали к нему со всех сторон.

Занимая крупную должность начальника земельного отдела КВЖД, он был арестован китайскими властями в 1930 г. Когда японцы прижали его к стенке с ультимативным предложением возглавить борьбу на Востоке против России и стать начальником Бюро русских эмигрантов Маньчжурии, старый Гондатти повесил на грудь японский орден, пожалованный ему еще в бытность генерал-губернаторства императором Микадо, и решительно отказался. Вокруг Николая Львовича всегда была возня, его ненавидели и правые, и левые. В его личном деле хранится множество доносов. В одной анонимке отмечается: "Являясь невольным пособником большевистских идей, Вам следовало отказаться от императорского ордена Восходящего солнца или употребить его хотя бы вместо пепельницы".

"Маньчжурский вопрос, — писал в 30-е годы бывший генерал-губернатор, — важный для Японии с точки зрения колонизации, является самым существенным, и никакие постановления Совета Лиги Наций, никакое самое убедительное предупреждение того или иного государства не заставит Японию уйти из Маньчжурии [...]". О настроениях в эмиграции Гондатти отзывается так: "К глубокому сожалению, сама эмиграция без помощи извне не может сделать что-либо серьезное: нет ни денег, ни оружия, кроме того не надо упускать из вида, что большинство так называемых "глав" эмиграции за истекшее пятнадцатилетие ничему не научилось и продолжает также только разговаривать, как это делали раньше, когда были, с позволения сказать, руководителями так называемого "общественного мнения", а на самом деле были главными виновниками всего того, что произошло. Они и в настоящее время продолжают делить шкуру медведя, еще гуляющего в лесу; а затем надо, к сожалению, считаться и с тем, что из деятельных людей иные так или иначе погибли, иные ослабели и физически и умственно; кроме того немало и таких, которые потеряли всякую веру в лучшее будущее и уже не верят в возрождение России".

В конце своей жизни Гондатти испытывал большую нужду и распродал потихоньку свой личный архив, собранный в научных экспедициях.

Когда советские войска пришли в Харбин и предложили бывшему генерал-губернатору вернуться на родину, обещая обеспеченную и спокойную старость, Н.Л. Гондатти от переезда отказался. "Компромата"

против него не нашлось, и Николая Львовича оставили в покое. Гондатти скончался у себя на квартире после продолжительной и тяжелой болезни в 2 часа утра 5 апреля 1946 г. "Николай Львович умер нищим, смиренно и безропотно, — говорил архиепископ Нестор во время погребенья — никого не обвиняя и никому не жалуясь на свою судьбу. Были и есть люди, которые пытались считать состояние Николая Львовича в его кармане, но пусть они знают, что у Николая Львовича ничего нет, т. е. ни гроша денег, и его семья и его лечение стоили трудной продажи книг и имущества. Он ушел в вечность никому не должным и не обязанным".

Н. Л. Гондатти был похоронен 8 апреля 1946 г. на Новом кладбище в Харбине. Во времена культурной революции в Китае надгробие последнего дальневосточного генерал-губернатора было уничтожено, а на месте кладбища разбит парк.

Тарас Петрович

Гордеев

(30 июля 1875 – 28 апреля 1967 гг)

Другим выдающимся человеком в Харбине был Тарас Петрович Гордеев. Несмотря на довольно неказистую фигуру и грубоватое лицо учителя, в него были влюблены ученицы, посещающие его занятия. Он же любил только науку, имя которой — естествознание. Ей он посвящал все свое свободное время и мысли, но зато и наука платила ученому взаимностью. Имя географа-естествоиспытателя Гордеева было в свое время широко известно всему миру благодаря его трудам. Он родился 30 июля 1875 года в Санкт-Петербурге. Большое влияние на мальчика оказал его отец, профессор Харьковского ветеринарного института. Вот несколько дат из биографии ученого: в 1894 году окончил Сумское реальное училище, через четыре года — Ново-Александровский институт сельского хозяйства и садоводства, где получил диплом ученого агронома 1-го разряда. С 1900 по 1907 годы служил в должности земского почвовода в Саратовском губернском земстве, а затем два года работал в Нерчинском реальном училище.

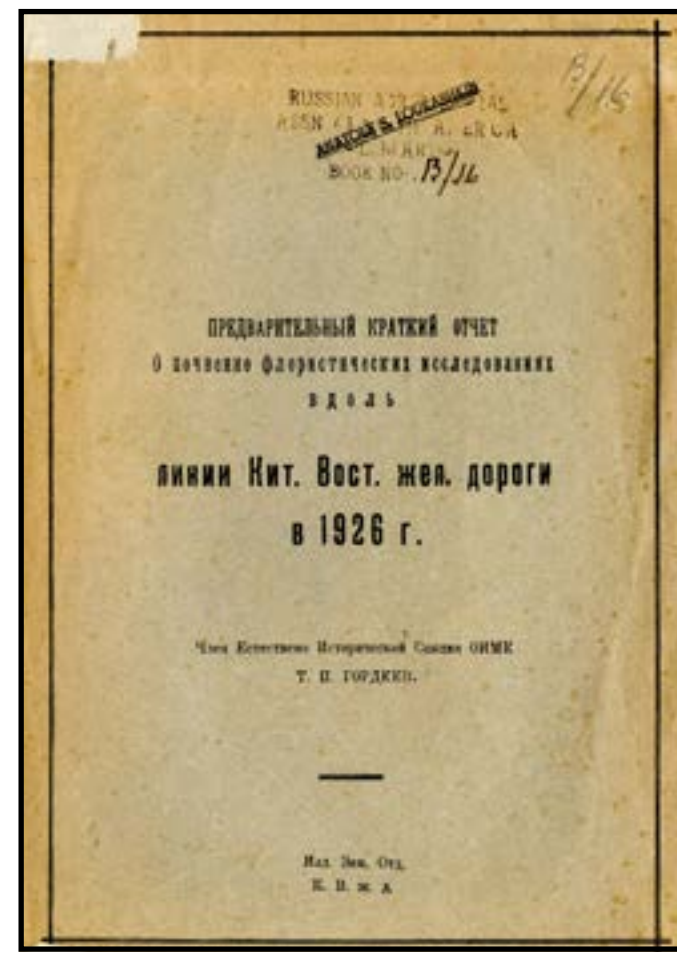
Так и провел бы ученый всю свою жизнь на одном месте, если бы не тяга к перемене мест. В летние каникулы 1908 года Тарас Петрович поехал через Владивосток в Цуругу лечить на грязях ревматизм. Но в грязелечебнице его мало кто видел. Гордеев воспользовался пребыванием в Японии для путешествий по островам. Тогда-то он увлекся вулканами и написал на эту тему одну серьезную работу. Дальний Восток так понравился Гордееву, что он навсегда решил остаться здесь и в июле 1909 года устроился на работу преподавателем естествознания в только что открытую Никольско-Уссурийскую женскую учительскую семинарию. Впоследствии одна из его учениц вспоминала: "Это был поистине учитель, который учил нас не только в стенах семинарии, но и свои педагогические навыки старался вложить нам тогда, когда мы были в сотнях километров от семинарии".

Любимым времяпровождением учителя были поездки с детьми. Эти экскурсии привили любовь к родному краю многим из них. В 1913 году Гордеев побывал в корейском селе Синиловке, где познакомился с рисосеянием и шелководством. От увлечения сугубо сельскохозяйственной темой Тарас Петрович перешел к проблеме разведения в Приморье уникального тиса. В Славянке Гордеев

занимался географией побережья и морской флорой, а на реке Суйфун он изучал лесные реликты и лианы. До него еще никто не занимался этим видом растительности. Побывал Т.П.Гордеев и в знаменитой Макрушинской пещере. В Сандагоу Тарас Петрович собрал новый вид люцерны, которую позднее описал В.Л. Комаров, назвав это растение в честь Гордеева его именем. Т.П. Гордеев был одним из основателей Уссурийского отделения Русского географического общества, также являлся членом Агрономических совещаний при генерал-губернаторе Приамурского края. Он получил золотую медаль за участие в выставке в память 300-летия Дома Романовых (Хабаровск, 1913), где продемонстрировал опыты по физиологии растений и влиянию удобрений на их рост. Также учитель Гордеев был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны третьих степеней.

С 1916 по 1918 годы Т.П. Гордеев был главным садовником Воронежского сельскохозяйственного института имени императора Петра I. В 1917 г. Тарас Петрович съездил в Москву на Первый всероссийский съезд ассоциации естествоиспытателей, где выступил с двумя докладами: "Возможная роль школы в деле охраны природы (на основании опыта организации защитного участка Южно-Уссурийской флоры при Никольск-Уссурийской учительской семинарии)" и "Организация справочного бюро для окраинных натуралистов". Эти работы были очень высоко оценены, но, к сожалению, остались незавершенными. Во время гражданской войны в январе 1918 года Тарас Петрович Гордеев бежал от красных из Воронежа и вернулся в родной Никольск-Уссурийский. В 1921 году он был активным участником Первого съезда по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении, где прочитал восемь докладов по методике преподавания уроков природы в школе, экологии и организации таежной биологической и лесоводственной станции, а также работе общеобразовательных музеев.

Несмотря на тревожное время, его неистребимое желание путешествовать вновь и вновь срывало его с насиженных мест. Воспользовавшись оказией, Гордеев побывал в 1920 году в Императорской гавани. Эта была его последняя большая поездка по

Работа Т. П. Гордеева

родной земле, в октябре 1922 года с последними белыми частями он навсегда покинул Россию. Из Владивостока Т.П. Гордеев через Шанхай уехал в Харбин. О причине эмиграции Тарас Петрович написал в своей анкете: "Нежелание оставаться в Приморье, занятом большевиками". В дневнике же отметил: "Уехал по визе китайского консула во Владивостоке в Шанхай, а оттуда в Харбин. Уехал, чтобы избежать ужасов гражданской войны".

В Маньчжурии Гордеев занялся организацией ботанического сада на опытном поле КВЖД. Три года Гордеев проработал на дороге, но из-за отсутствия советского подданства — отказался его взять, а дорога была передана СССР — был уволен. С 1925 года Т.П. Гордеев стал преподавать естествознание в гимназии Христианского союза молодых людей, работал в различных учебных заведениях Харбина (до 1945). "За этот период, — вспоминали его ученики, — Тарас Петрович воспитал несколько тысяч русских юношей и девушек. Преподавал он свои любимые предметы в нескольких средних школах, везде создавая кружки любителей природы, с которыми дополнительно занимался во внешкольное время. Беженские школы только начинали вставать на ноги. В них не было буквально никаких пособий, и Тарас Петрович со своими юными энтузиастами на скромные средства, собранные среди учеников, работал над изготовлением наглядных пособий и моделей, чем с годами обогатил школьные музеи. Одновременно он ввел практические занятия в школьных садах". Это было новаторством в те годы. Учитель принял активное участие в помощи русским переселенцам, принудительно отправленными японскими властями в деревню. Работал в Харбинском музее (1945-67). При составлении анкеты поступления на работу в музей написал: "Моя идеология сложилась 50 лет тому назад и, руководствуясь ею, я дожил до 77 лет. Судить о моей работе предоставляю другим".

В повседневной жизни Гордеев слыл большим оригиналом. Он стригся под "нуль" четыре раза в год. Обстановка его квартиры была более чем скромной: стол, кровать из досок, заправленная солдатским одеялом, — вот и вся мебель. К еде Тарас Петрович был также равнодушен, ел что придется. Любил Гордеев писать стихи и рисовать. В минуты отдыха у костра со своими учениками Гордеев рассказывал о друзьях, которые остались за "железным занавесом", особенно часто и с любовью вспоминал Владимира Клавдиевича Арсеньева. Труды Гордеева не понадобились новой власти в Китае, и в начале 1962 года он навсегда покинул эту страну, перебравшись в Бельгию, одну из немногих стран, которые принимали стариков и хронических больных. В 1966 г. в Англии был выпущен сборник статей, приуроченный к 90-летию Гордеева.

Тарас Петрович Гордеев скончался 28 апреля 1967 года в доме для престарелых. В честь Гордеева был назван вид дождевого червя *Allolobophora Gordejefii Michael*

*Иосиф Александрович
Дзюль*

(14 октября 1876 — декабря 1936 гг)

"Недели через две после его ухода от своего приятеля Иосифа Александровича Дзюль я получил телеграмму следующего содержания: "Человек, посланный вами в тайгу, найден убитым". "Дерсу!" — мелькнуло у меня в голове".

Читая замечательные книги В.К. Арсеньева, порой задаешься вопросом, а что стало с его друзьями, с интеллигенцией того времени после октября 1922 года? Даже архивы, которые все шире и шире открывают свои двери перед исследователями, представляя им новые факты, не всегда дают нужный ответ. Так произошло и с другом Арсеньева Иосифом Дзюлем.

Иосиф Дзюль родился 14 октября 1876 года в г. Славуте Волынской губернии. В двадцать лет он устроился на работу телеграфистом на Юго-Западную железную дорогу. В 1899 году его призвали на военную службу и отправили служить в Уссурийский железнодорожный батальон. Дальний Восток очень полюбился Дзюлю, и он остался здесь навсегда. Начав со скромной должности железнодорожника, в двадцать шесть лет он стал начальником станции Корфовской, недалеко от Хабаровска. Таежник по натуре, влюбленный в природу, он все свое свободное время проводил с ружьем в тайге. Тогда же Иосиф Дзюль стал завзятым тигрятником. Вступив в члены Приамурского отдела Русского географического общества, он и подружился с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, пригласившим его в 1908 году принять участие в экспедиции, которая исследовала территорию около Императорской Гавани. Свои впечатления об этом Дзюль описал в небольшой статье.

Лихая година гражданской войны коснулась и Иосифа Александровича. "В 1919 году красными партизанами, — писал он в своей автобиографии, — был уведен в сопки, имущество мое разграблено. Станция и квартира партизанами сожжены". Большой политикой Иосиф Александрович Дзюль не занимался, но в 1920 году его избрали гласным Хабаровской городской думы. В середине ноября 1922 года Дзюль тепло попрощался с друзьями и, вероятно, вместе с Арсеньевым, женой и двумя сыновьями навсегда покинул Владивосток, где жил последние месяцы. Поселившись в Харбине,

Дзюль устроился на местную железную дорогу, но позже по причине "не подданства" — КВЖД перешла в собственность СССР — Дзюль был уволен.

Оказавшись безработным, Иосиф Александрович не опустил руки. Став профессиональным охотником, он добывал пропитание в тайге. Дзюль старался передать свой богатый опыт таежника подрастающему поколению. За это он получил почетное звание — старший друг секции молодых археологов, натуралистов и этнографов. Остается неизвестно, как такой таежник-профессионал как И. А. Дзюль мог оказаться в беде. Трагедия случилась в декабре 1936 года: 10 декабря Дзюль выехал по железной дороге на станцию Сарту. Остановившись в фанзе своего приятеля Ван-Цзя-Вей-Цзя, он несколько дней удачно охотился на волков и лисиц, ежедневно возвращаясь с трофеями. 15 декабря его видели в последний раз. В харбинских газетах промелькнуло сообщение, что тело Дзюля было найдено в тайге, наполовину съеденное тигром. Но выехавший на предполагаемое место происшествия старший сын охотника Ростислав не подтвердил этого .

Поиски пропавшего натуралиста ничего не дали. Маньчжурская тайга навсегда сохранила тайну гибели Иосифа Александровича. Впрочем, до сих пор не найден и тайник В.К. Арсеньева, который во время гражданской войны он прятал у своего друга на станции Корфовской. Известно, что Владимир Клавдиевич зарыл во дворе Дзюля железную банку с наиболее ценными документами и своими орденами. Спустя несколько месяцев он вернулся на Корфовскую, но тайника уже не нашел .

Владимир Николаевич Жернаков

(8 августа 1909—15 февраля 1977 гг)

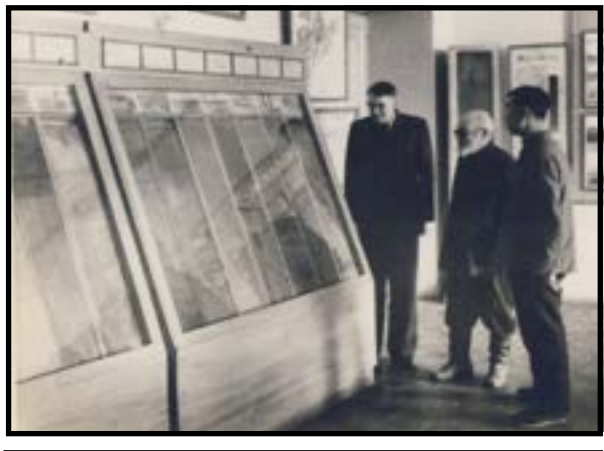

Известный в зарубежье натуралист и географ Владимир Николаевич Жернаков внес весомый вклад в изучение географии Дальнего Востока. Владимир Жернаков родился 8 августа 1909 года в Омске в купеческой семье. Его отец был владельцем пароходов, которые перевозили по сибирским рекам зерно и лес. Уже с раннего детства Владимир отправлялся с отцом в дальние путешествия по Иртышу и Оби. Во время гражданской войны его родителям пришлось бросить нажитое, и в 1919 году они переехали в Владивосток. В этом городе Жернаков поступил учиться в Коммерческое училище. Но учеба не суждено было долго продлиться, так как в 1921 году вся семья эмигрировала в Харбин. Пять лет учился Жернаков в Харбинском железнодорожном училище и реальном училище при гимназии Оксаковской, а после этого в 1926 году поступил на экономическое отделение Юридического факультета.

Еще в студенческие годы Владимир начал интересоваться географией и историей Маньчжурии. С 1929 года он посещал все занятия в кружке натуралистов и 17 лет был его бессменным секретарем и редактором научных трудов. Все свое свободное время он проводил в библиотеках Общества изучения Маньчжурского края и КВЖД. Еще во время учебы он стал работать в музее Бинцзянской провинции. После окончания факультета в 1937 году Жернаков поступил на работу в музей "Да-лу". Уже тогда он совершил несколько увлекательных поездок и экскурсий. С 1938 года Владимир Николаевич стал работать в музее Континентального института при ведомстве Совета министров Маньчжу-Ди-Го. Он щедро делился своими знаниями с приезжающими в Китай коллегами: французским геологом и философом Т. де Шардином, академиком Х. Брейлом, немецкими географами Б. Плаетшке, Е. Тилем, Г. Фохлер-Хауке и многими другими. Иностранцы высоко оценивали знания Жернакова. Во время войны В. Н. Жернаков работал лектором в колледже Христианского союза молодых людей. Много лет он преподавал экономику географии Китая в Харбинском политехническом институте, где был заместителем декана транспортно-экономического факультета.

Своим долгом Жернаков считал издание результатов своих исследований и экспедиций. В 1960 году они вышли отдельным томом в трудах Академии наук КНР. Жернаков работал и как геоботаник, исследуя

флору

На фотографии: Владимир Жернаков и Тарас Гордеев

и фауну озер. С берега озера Ханки он часто смотрел в сторону России. Владимир Николаевич очень скучал по родине и хотел там работать вместе со своими коллегами. В это время одним из его корреспондентов был советский академик В. Л. Комаров. Хотя время от времени у ученого и возникали политические проблемы с правящим коммунистическим режимом, Жернаков продолжал самозабвенно трудиться на благо науки Китая. Но культурная революция поставила на этом точку, и в сентябре 1962 года он эмигрировал с семьей в Австралию. По прибытии в Мельбурн он стал работать в местном клубе натуралистов, совершая поездки и собирая коллекции. В 1972 году Владимир Николаевич в очередной раз поднялся с насиженного места и уехал в США, где на следующий год сделал серьезную операцию на сердце. Последние годы жизни не прошли впустую, время от времени сан-францисская газета "Русская жизнь" публиковала воспоминания маститого географа. До сих пор неизвестно, где же хранится личный архив Жернакова. Он опубликовал серию работ о своих учителях и старших товарищах в Китае: Н. А. Байкове, И. И. Гапановиче, А. П. Хионине, В. В. Поносове, Т. П. Гордееве и многих других, каждый из которых был личностью в науке и литературе.

Возможно, архив исследователя помог бы нам пролить свет и на других наших соотечественников за рубежом. Как-то в программе

одной научной конференции мне попало на глаза имя профессора Надежды Жернаковой. Познакомившись с ней, я узнал, что ее муж является родственником В. Н. Жернакова. К сожалению, они тоже не знают, где находится архив известного географа зарубежья. 15 февраля 1977 года В. Н. Жернаков скончался в Окленде.

"К этому надо добавить, — писал его друг А.С. Лукашкин, — что Владимир Николаевич был хорошим сыном до последнего дня жизни своих родителей, принеся свою преданность им, как жертву вместо личной жизни. Женился он поздно, уже в зрелом возрасте, после смерти родителей. Знал я его и как глубоко верующего православного христианина. За свою исследовательскую деятельность Владимир Николаевич опубликовал 166 научных, научно-популярных, биографических очерков, статей и заметок в русских, английских, немецких, французских, японских и китайских научных и популярных журналах".

Иван Алексеевич Лопатин

(2 января 1888 — март 1970 гг)

Четверть века тому назад скончался известный дальневосточный ученый Иван Алексеевич Лопатин. Его имя изредка упоминается в советских изданиях, посвященных этнографии коренных народностей. Много из биографии этого человека, который провел большую часть жизни вдали от родины, а также его бесценный опыт и труды продолжают оставаться неизвестными в России. Недавно журнал "Дальний Восток" опубликовал одну из его статей, но без биографического очерка. В наших источниках дата смерти Лопатина в Лос-Анджелесе обозначена — 6 марта 1970 года, тогда как все иностранные издания вместо нее ставят знак вопроса.

Иван Лопатин был родом из яицких казаков и родился 2 января 1888 года. Его отец служил в станичном управлении Уссурийского казачьего войска, но Лопатин-младший не проявил склонностей к военной службе и после окончания в 1908 году реального училища в Хабаровске продолжил обучение в Казани. Через четыре года он окончил с отличием естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. Вернувшись в Приморье, Лопатин занялся научной работой, совершив несколько увлекательных экспедиций. Проводя этнографические и антропологические исследования гольдов и орочей, он побывал в 1913-1914 годах в долинах рек Уссури, Имана и Тунгуски. На следующий год молодой ученый уехал на Амур. На средства Общества изучения Амурского края Иван Лопатин издал интересную работу "Гольды", которая получила высокую оценку специалистов.

Гражданская война внесла изменения в размеренную жизнь Лопатина. Пришлось забыть о путешествиях и стать учителем. Два года он был директором учительской семинарии в Николаевске-на-Амуре, а после сожжения этого города бандами Тряпицына вернулся в Хабаровск. Здесь он директорствовал в учительской семинарии, а после этого возглавил Хабаровский музей. В 1920 году Иннокентий Александрович приехал во Владивосток и пять лет работал приват-доцентом Дальневосточного университета. Близких друзей у Ивана Алексеевича не было, за исключением его наставника Арсеньева. После того, как знаменитого путешественника заставили уйти из

университета, Лопатин счел за благо тоже покинуть стены этого учебного заведения.

Вскоре Иннокентий Лопатин бежал через границу в соседнюю Маньчжурию. В Харбине он преподавал в школе Методистской церкви и стал профессором местного Педагогического института. Иван Алексеевич хотел продолжить занятие наукой и уехал в Канаду. 9 мая 1929 года он с блеском защитил магистерскую диссертацию "География Ванкувера" в университете Британской Колумбии. Таежник по натуре, Лопатин, участвовал в экспедиции Национального Канадского музея по изучению быта Китиматских индейцев в проливе Дугласа. Вернувшись из путешествия, русский эмигрант стал преподавателем на факультете антропологии Вашингтонского университета в Сиэтле, где разработал курс "Народы Северо-Восточной Азии, народы центральной Азии".

В 1935 году Лопатин защитил докторскую диссертацию в университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес). В этом же университете его назначили преподавателем русского языка, истории русской цивилизации и антропологии. В свободное время он занимался сравнительным языкознанием народов Дальнего Востока. Уже тогда его имя стало известно всему миру. "Есть все основания думать, — вспоминали его друзья, — что если бы ему не пришлось эмигрировать за границу и он бы остался жить и работать на родине, он занял бы выдающееся место среди ученых и исследователей в своей научной области. В своей частной жизни И. А. был скромным, всегда доброжелательно относившимся к другим. Его американская жена, которая выучилась русскому языку и могла читать русских классиков с помощью своего мужа, была его верным другом и помощницей в его работе".

Талантливый от бога, профессор Лопатин был хорошим музыкантом и художником. Незадолго до смерти он написал два романа: "Парус" на слова Лермонтова и "Две судьбы" на свои собственные стихи с переводом на английский язык.

Точную дату смерти Ивана Алексеевича Лопатина определить трудно, так как его труп был обнаружен полицейским, которого вызвали почтальон и соседи. На отрывном календаре стояла

дата 2 марта. В это время ученый работал над книгой, в которой собирался сделать сравнительный анализ характеристик быта и обычаев коренных народностей Дальнего Востока и американских индейцев. И. А. Лопатин был похоронен по-православному обряду на кладбище Валхал. Судьба рукописей ученого до сих пор неизвестна.

Мария Лазаревна Шапиро

(1900 – 9 октября 1971 гг)

Другим примером трагичного конца духовной жизни русского Харбина является судьба журналистки Марии Лазаревны Шапиро. Она начала работать еще в благовещенской газете "Харбинская пресса", когда ей не было и 17-ти лет. После окончания в 1924 году Юридического факультета в Харбине она была оставлена на кафедре гражданского права и вела практические занятия по римскому праву с 1928 по 1936 года. Любимая ученица Г. Гинса, действительный член Общества ориенталистов. Мария Шапиро издала свою книгу "Семейный строй в Японии".

Все свое свободное время она отдавала журналистике. Будучи репортером от бога, она публиковалась во всех харбинских изданиях. Злободневные материалы Марии Шапиро стали причиной многих ее бед. Она была арестована 29 ноября 1945 года в редакции газеты "Харбинское время", а ее дело вел следователь "Смерша" — младший лейтенант Устюк. Он предъявил Шапиро, как она вспоминала позднее — "два номера первой газеты "Русский голос", где я начала работать в 1925 году, с моей первой статьей "Юристы и Эхо", печатавшейся в двух номерах, и, помнится, еще несколько очень старых моих статей, он спросил меня, я ли писала эти статьи. "Смешно было бы отрицать, конечно, я", — был мой ответ. Не говоря уже о том, что я подписывала все мои статьи моим сокращенным именем "Мария Ш.", я бы вообще, если бы и писала под псевдонимом, не стала бы отрекаться от них. Далее он меня спрашивал о моей биографии, есть ли и где у меня родные и т.д."

По отбытии 10-летнего заключения, большую часть которого провела в Спасском лагере, Мария Лазаревна жила в инвалидном доме и писала свои мемуары. Законченная рукопись составила 1700 страниц. Отрывки из нее были опубликованы под названием "Женский концлагерь. Судьба эмигрантки" в "Новом журнале" (Нью-Йорк). Мария Лазаревна Шапиро скончалась 9 октября 1971 г. Вот, что она писала: "С приходом 16 августа 1945 г. советских войск в Харбин в результате недельной войны с Японией, последовавшей за этим капитуляцией Японии и прекращением существования государства Маньчжоу-Гоу, эмигрантские газеты закрылись. Закрылся и "Голос эмигрантов" и журнал "Луч Азии", в которых я

работала. Город остался совсем без газет. Почти все редакторы и журналисты были арестованы. Оставались, за исключением меня и еще немногих, лишь те, которые за последнее годы не занимались журналистикой, а где-нибудь служили. Военные бесплатно раздавали советские газеты на бульваре, их можно было прочесть в витринах магазинов, например, у Чурина, но они, естественно, приходили с запозданием на несколько дней, а свежих местных газет не было и в них чувствовался большой недостаток. Во время войны настроение приблизительно 80 процентов дальневосточной эмиграции сильно изменилось. Нашествие Гитлера на СССР, тяжелые дни первого периода войны, блокада Ленинграда, бои под Сталинградом — все это всколыхнуло русские сердца. Воевала Россия — пусть отделенная от нас другим мировоззрением, — но это была наша Родина, любимая, по которой мы тосковали столько лет в изгнании, землю которой теперь попирали враг. Многие из нас забыли старую боль и старые обиды и всей душой сочувствовали победе Родины".

Журнал "Рубеж"

(20 августа 1926 — 10 августа 1945 гг)

Одним из самых массовых и популярных изданий в русском зарубежье в Азии был журнал "Рубеж", который выходил в Харбине начиная с 1928 года. У основателей "Рубежа" было желание создать на Дальнем Востоке журнал, подобный "Иллюстрированной России", которая издавалась в Париже. "В стремлении, с одной стороны, дать пишущей братии возможность проявить свои дарования, — писал издатель Кауфман, — а с другой стороны, дать читательской массе хороший литературный журнал покойный М. С. Лембич, Г. Н. Щипков и я пришли к решению начать издавать "Рубеж". Никаких коммерческих целей, как и в издании начатого параллельно детского журнала "Ласточка", мы не преследовали и в течение первых трех-четырех лет вложили в журналы немало средств, упорно пропагандируя их во всех уголках земного шара, где только обосновались русские эмигранты". Первым редактором "Рубежа" был Щипков, которого сменил Бибинов. Подписчики журнала были разбросаны по всему свету. Уже в первые годы существования "Рубежа" 2-3 номера отправлялись в Сан-Франциско, 5 номеров уходили в Берлин, 10 экземпляров отсылались в Ригу. Отправкой журнала подписчикам занималась управляющая конторой Людмила Самойловна Резникова. В ее квартире и располагалась на первых порах вся редакция. Резникова скончалась в июне 1937 года.

"Около десяти лет, — писала редколлегия в некрологе, — проработала Людмила Самойловна на своем ответственном посту, отдав работе всю себя без остатка. Иначе работать она не умела. У нее не было ни праздников, ни часов отдыха, — когда требовалось ходом дела, она работала до глубокой ночи, чтобы с раннего утра уже снова быть за работой, — просматривать корреспонденцию, вести книги, звонить по телефону агентам, поставщикам бумаги, клиентам-рекламодателям, отдавать распоряжения в конторе, писать письма агентам, вести переговоры с типографией и с редакцией. Заказывать новые бланки или конверты, — словом, руководить всем многообразным хозяйством большого еженедельного журнала". Не осталось без внимания редакции и молодое поколение. В 1930 году стало выходить ежемесячное приложение к журналу "Юный читатель "Рубежа". Корреспонденты "Рубежа", как и подписчики, тоже жили в

Плакат с информацией о соавторах и распространению по миру

Фотография страницы журнала "Рубеж"

разных странах. Баженова и Фарафонов (К. Чжарджуйский) писали о Америке, Матвеев и Чертков присылали корреспонденции из Японии. Не осталась в стороне и Европа. С 1928 года стал посылать свои корреспонденции из Парижа писатель и журналист Унковский. В конце 1930 года корреспондент Мэри Левинтова побывала в гостях у знаменитого писателя Андре Моруа и взяла у него большое интервью. Писатель поделился своими планами с читателями "Рубежа". 10 февраля 1930 года журналист была в гостях у М.А. Алданова. "Между прочим, в 1914 году я собирался посетить Азию и Дальний Восток. Но прошла война, революция, и — путешествие осталось далекой прекрасной и, пожалуй, несбыточной, как все прекрасное, мечтой", — сетовал писатель. Пражский корреспондент Ольга Ильинская взяла большое интервью у В.И. Немировича-Данченко, которое было опубликовано с фотографией и автографом журналу "Рубеж" 25 апреля 1936 г.

17 ноября 1934 г. "Рубеж" произвел "Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока", попросив писательниц и поэтесс рассказать о себе и поделиться мыслями о современной женщине. Были опубликованы ответы Марианны Колосовой, Лидии Хаиндровой, Александры Паркау, Ольги Скопиченко, Елизаветы Рачинской, Виктории Янковской, Наталии Резниковой и Ольги Морозовой.

2 апреля 1938 года вышел юбилейный номер, посвященный 10-летию жизни журнала. В нем были подведены итоги литературной деятельности: "В каждом номере "Рубежа" печатается в среднем 3 с половиной рассказа, 5 стихотворений, 8 очерков и три с половиной романа в год. За 10 лет таким образом было напечатано 1820 рассказов, 2600 стихов, 4160 очерков и 35 романов. Если бы все эти материалы издать отдельными книгами: по 10 рассказов в каждой книге — 182 книги, по 50 стихов — 52 книги, по 52 очерка — 80 книг и 35 книг романов, то составила бы небольшая библиотечка в 349 книг".

К первому десятилетию журнала свои поздравления прислали многие писатели русского зарубежья, включая И.А. Бунина. М.А. Алданов написал: "Я всегда удивляюсь, как удалось создать такое ценное культурное дело далеко от центров". М.А. Осоргин поддержал его: "Я считаю, что каждое литературное предприятие за границей есть подвиг. Особенно приветствую всякие журналы чисто культурные, не

занимающиеся политикой". А.А. Плещеев признался в любви: "Люблю Ваш журнал. Дивлюсь, что Вам удалось его издавать за рубежом в течение десяти лет". А.М. Ремезов обозначил свои пристрастия: "Очень люблю смотреть картинки и разбирать подписи под ними. Десять лет "Рубежной" изобретательности. Каких только знаменитостей и сцен из театральной и уличной жизни я ни навиделся".

В Европе шла война, и многих в Китае интересовало, как живут и работают русские литераторы во Франции. По просьбе редакции накануне Рождества 1940 года писатель Владимир Унковский, многолетний корреспондент "Рубежа", провел анкетирование Бориса Зайцева, Михаила Алданова, Николая Евреинова, Алексея Ремизова и Надежды Тэффи. Он рассказал также о жизни Ивана Бунина, Дмитрия Мережковского, Михаила Осоргина, Александра Плещеева, артистов Медеи Фигнер, Сергея Лифаря и Екатерины Рощиной-Инсаровой.

писатель-натуралист Николай Байков, писатель Артемий Лишин, поэт и писатель Василий Логинов, молодая поэтесса Елена Недельская, поэт-мэтр Арсений Несмелов, поэт Валерий Перелешин, поэтессы и писательницы Елизавета Рачинская и Наталья Резникова, поэтесса Лидия Хаиндрова, молодой поэт и беллетрист Михаил Шмейсер, начинающий, но многообещающий писатель Борис Юльский, "Юрка", псевдоним детской писательницы Елены Васильевой, и поэтесса из Кореи Виктория Янковская. Вспоминая о многочисленных авторах, чьи произведения увидели свет на страницах журнала, Ю.Крузенштерн-Петерец позднее вспоминала: "Их стихи, рассказы могли одним нравиться, другим не нравиться, но совсем бездарных в них вы вряд ли найдете. "Рубеж" был всегда интересен, а теперь даже более ценен с другой стороны: на его страницах запечатлена для потомства и истории картина нашей жизни в Маньчжурии, казачьи поселки в Трехречье, гигантское наводнение в Харбине в 1932 году, портреты всех гастролеров, приехавших в Харбин, - Липковского, Мозжухина, Лемешева, Шаляпина, Вертинского и многих других. Снимки крестных ходов на Сунгари и купанье многих харбинцев в проруби, театры, школьные события, спорт на Сунгарийских площадках и на Стадионе [...]" .

12 июля 1941 года стало выходить иллюстрированное приложение "Рубеж в Шанхае" (редактор К.А. Лобачев). В первом номере были напечатаны репортаж о работе Русского эмигрантского комитета, интервью с художником А. Ефимовым, очерки о женщинах, о китайской кухне и шанхайская реклама. Особой ценностью редакции журнала был огромный редакторский кабинет, стены которого были почти полностью покрыты фотографиями с автографами всех знаменитостей, отмеченных "Рубежом". Когда Советская Армия пришла в Маньчжурию, почти вся редакция "Рубежа" была арестована и отправлена в лагерь. Весь же уникальный архив был пущен по ветру.

Фотографии страниц журнала "Рубеж"

8 и 15 июня 1940 года в журнале был опубликован большой очерк Е. Сентяниной — "Харбинские писатели и поэты". В нем дали интервью и рассказали о себе поэтесса Ларисса Андерсон, поэт Алексей Ачаир,

Литературное объединение "Чураевцы"

Литературный мир Харбина трудно представить без "чураевцев", которые были непременными авторами "Рубежа". 20 марта 1926 года несколько русских мальчиков и девочек из семей харбинских эмигрантов откликнулись на призыв секретаря ХСМЛ открыть новый литературный кружок, который получил название "Молодая Чураевка". Идею взяли у известного сибирского писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова, который происходил из семьи сибирского рудокопа. Его первый рассказ был опубликован, когда ему исполнилось 12 лет. Самым же известным произведением писателя стал роман "Чураевы", первый том которого он написал во время боев в первую мировую войну, будучи военным корреспондентом. Роман был настолько популярен у русских эмигрантов, что молодежь решила воспользоваться его названием. Настоящей душой литературного объединения стал поэт А. А. Ачаир, работавший секретарем Христианского союза молодых людей.

Алексей Грызов-Ачаир (А. Чаир) родился 23 августа 1896 года в казачьей семье в Омске. Общее образование он получил в Войсковом пансионе Сибирского казачьего войска. После окончания в Омске в 1914 года 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса Грызов учился в Москве в Петровско-Разумовской академии. Во время гражданской войны (с мая 1918 года) Алексей был рядовым-добровольцем в пулеметной команде атамана Красильникова. Он участвовал в походах и боях от ст. Мартыновка до Иркутска и Бодайбо, был контужен в 1918 г. при взрыве красными моста на реке Белой. Затем Грызов заболел и провалялся в тифозных бараках. С июня 1919 года он служил в штабе 1-й Сибирской казачьей дивизии, совершил тяжелейший сибирский поход зимы 1920 года на ст. Тайга. А.А.Грызов отморозил ступню правой ноги. При отступлении дивизии из-под Красноярска (село Минино) с небольшой группой офицер вынес знамя дивизии. В сентябре 1920 года он в одиночку пробрался к войскам атамана Семенова. В том же году Грызов стал вахмистром, а затем приказом атамана был произведен в хорунжие. С 1921 года Грызов служил в Приморье в Гродековской группе войск. В феврале 1922 года после медицинского освидетельствования Грызов был уволен в отставку.

Поселившись во Владивостоке, Алексей Алексеевич редактировал (с февраля по октябрь 1922 года) газету "Последние известия", орган сибирской областной группы. Тогда же под псевдонимом Ачаир — название отчей казачьей станицы — опубликовал много стихов. В октябре 1922 года А.А.Грызлов-Ачаир покинул родину.

Сочинения: сборники стихов, изданные в Харбине: "Первая" (1925), "Лаконизмы" (1937), "Полынь и солнце" (1938), "Тропы" (1939), "Под золотым небом" (1943) и др.

"Легко, широкой струей, не знающей порогов, — писала журналистика Сентянина, — льется вдохновение Ачаира. Он быстро вдохновляется, подчас незаметными мелочами. Для всякого - пустяк, а для Алексея Ачаира — событие, толчок, способный всколыхнуть душу до потаенных глубин. Его творчество стихийно, буйно. Свое направление Ачаир определяет как "лирическую романтику" и прибавляет: "К сожалению". Да, в нем есть нечто сродни Северянину, но есть что-то и цветаевское. Но тема его неисчерпаема, его тема — сама жизнь; чувство его непосредственно".

В последнем (34-м) стихотворении сборника 1925 года - "По странам рассеяния (Эмигранты)", посвященного отцу, стали знаменитыми следующие строки: "Не сломала судьба нас, не выгнула, Хоть пригнула до самой земли. И за то, что нас Родина выгнала, — Мы по свету ее разнесли".

"Молодая Чураевка" была открытым объединением: его собрания мог посещать любой человек. Встречи проводились по вторникам и походили на своеобразную "живую газету". Молодые "чураевцы" высказывали свои мнения на то или иное событие, авторы исполняли литературные произведения, звучала музыка. Все, что заслуживало внимания, выносилось на суд аудитории. Эти встречи привлекали немало посетителей, но они являлись как бы "показной" деятельностью молодых талантов, но имелась еще и "закулисная" — работа в студиях. Там ставились спектакли, обсуждались литературные произведения, читались доклады, велся свободный обмен мнениями. Особой популярностью пользовалась литературная студия. Была еще и музыкальная, но затем она отошла,

Слева: Фотография Алексея Грызова-Ачаира

Справа: Обложка произведения Алексея Ачаира

хотя связей с "Молодой Чураевкой" не теряла. "Чураевка" Вера Карпова, например, известная Харбину по своим выступлениям, окончила с золотой медалью Высшую музыкальную школу и была крестницей известного композитора А. К. Глазунова, который помог ей в 1931 году уехать из Харбина и поступить в Национальную консерваторию в Париже.

Председатель "Молодой Чураевки" Николай Щеглов писал: "Пишущему, как воздух, необходим читающий, — отсюда и основная задача "Молодой Чураевки": создать более или менее внимательную ко всему новому и нарождающемуся в искусстве аудиторию. Отсюда — полнейшая терпимость ко всяким точкам зрения и течениям, какие существуют в нашем городе, политическим и прочим разногласиям. Словом — аполитичность. Разногласия разногласиями, но мы все-таки русские и, — хотя не боимся привлекать к нашей работе инородцев и иноверцев, в широком смысле, — вероятно, не будет крупной ошибкой определить "Молодую Чураевку", как национальный, чуждый шовинизма, кружок. [...] у нас нет воспоминаний, которые перетряхивает старшее поколение

эмигрантов, а между тем, мы чувствуем себя до крайности русскими. Отсюда некоторая беспочвенность настроений. Однако, есть утешение: мы — еще в процессе роста, переживаемом порой болезненно".

"Клубом взаимного восхищения" Чураевка никогда не была. Поэты — начинающие и сравнительно продвинувшиеся — встречали внимательное отношение. Их часто хвалили, но иногда "продергивали". У самой "зеленой лампы" лежал в Чураевке толстый альбом, в который поэты, критики, писатели, художники, журналисты и гости всякого звания и состояния заносили свои впечатления. Там копились пародии, эпиграммы и шаржи, нередко очень остроумные. В апреле 1930 года "Молодая Чураевка" объявила конкурс стихотворений, предложив одну основную тему — Восток и другую на выбор. В жюри конкурса вошли писатель Василий Логинов, завредакцией "Рубежа" М. С. Рокотов, председатель "Молодой Чураевки" Н. Л. Кичий, поэты Арсений Несмелов и Алексей Ачаир. В конкурсе приняли участие 14 человек, приславших 45 стихотворений, которые были оценены по 12-бальной системе. На тему "Восток" лучшим было признано стихотворение "Пятна на Луне. Легенда сунгарийских гольдов о происхождении пятен на Луне" сотрудника "Рубежа" Николая Светлова, укрывшегося под псевдонимом Михаил Баян. Лучшим стихотворением на вольную тему стали "Весенние триолеты" Е. Рачинской. Второе место было присуждено сотруднику "Рубежа" поэтессе Тамаре Андреевой за стихи "Тут плясала Джинна" и "Об одном расставании". Журнал "Рубеж" напечатал стихи лауреатов конкурса с их портретами. Подобные конкурсы проводились и позднее.

Рождественским подарком к 1931 году стало издание сборника стихов "Семеро". В нем участвовали Нина Ильнек, Николай Щеголев, Ларисса Андерсен, Наталья Резникова, Лидия Хаиндрова, Михаил Шмейсер и Николай Светлов. Но большим желанием студийцев оставалась собственная газета, в которой они могли бы публиковать свои произведения постоянно, а не от случая к случаю. 27 декабря 1932 года стала выходить газета под названием "Чураевка". Видя успех молодых литераторов, активизировала свою деятельность театральная студия. Появились и молодые художники. На первом же организационном собрании наметились и общие вехи сектора: искусство должно быть

идейно, свободно и оправдано жизнью. Художественный сектор, как и вся Чураевка, работает на широко-национальных основах, не ставя свою работу в зависимость от тех или иных политических тенденций и не делая вероисповедных или иных различий".

Работа в "Молодой Чураевке" настолько сплотила молодых людей, что они не мыслили жизни друг без друга, находя поддержку в нелегких житейских ситуациях и обсуждая не только новые книги и работу в Чураевке, но и политические события в Китае и России.

"Христианский Союз запирался на ночь, — вспоминал поэт Валерий Перелешин, — кажется, в полночь, но наговориться за какие-нибудь четыре часа было невозможно. Почти каждый вторник и каждую пятницу шел я провожать то Слободчикова и Лапикена на Пристань, то Петереца или Гранина в Мацзягоу, то Щеголева в Корпусной городок. И потом они провожали меня обратно. А потом я снова их провожал. В иные холодные ночи мы заходили в конце этих взаимных проводов ко мне и проводили еще два-три часа за разговорами с мамой у самовара".

Показательные вторники привлекали в "Молодую Чураевку" до 300 человек — столько мог вместить зал ХСМЛ. На всех заседаниях зал был заполнен до отказа. Не все выступления студийцев были удачными, но зрители наглядно видели, что из неуклюжих утят получаются прекрасные лебеди. Пресса уделяла много внимания чураевцам, и когда распространился слух о закрытии объединения, то одна газета выступила с предложением: "Чураевку необходимо сохранить во чтобы то ни стало..." Но молодежь выросла, покидая и родительский дом, и Чураевку. Первым оставил свой пост председатель Чураевки Николай Светлов. За ним последовали и другие. Еще до полного закрытия студии Петерец организовал параллельно Чураевке новое объединение "Крут Поэтов", который собирался в то же время. В качестве знамени новой организации был выдвинут Гумилев. Но туда пришла новая молодежь. Для чураевцев же пора ученичества закончилась.

Окончание второй мировой войны поставило точку на жизни русской эмиграции в Китае. Чураевцы разбрелись по всему свету: одни вернулись в Россию, другие отправились в Америку, многие уехали в Австралию. Сегодня одна из немногих, кто остался в живых из членов "Молодой Чураевки" — это Ларисса Андерсен, живущая в

Париже. А. А.Грызлов-Ачаир был арестован в Харбине в 1945 году и 10 лет просидел в лагере. После освобождения Алексей Алексеевич жил в Новосибирске и преподавал пение в школе. 16 декабря 1960 года он скончался на работе.

Хисамутдинов Амир Александрович
Khisamutdinov A. A.

Харбин "Перелетные птицы"
(1-я половина XX века)

Harbin: «Migratory birds»
(the 1st half of the 20th century)

Редактор: Ряднова А.
Компьютерная верстка: Ряднова А.

Подписано в печать: 2. 06. 2017
Формат издания: 60x84/16
Усл.печ.л 6, 51
Гарнитура: Minion Pro

Издательство Дальневосточного Университета,
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47
тел. 8 (423) 254-48-14

e-mail: tvpress@mail.ru